
ЧИТАЯ ГЕНРИ ДЖЕЙМСА

«ПОВОРОТ ВИНТА» Г. ДЖЕЙМСА: ПУТЕШЕСТВИЕ АТМОСФЕРНОГО ТЕКСТА
ВО ВРЕМЕНИ И МЕДИЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Литература двух Америк. 2025. № 18.

Literature of the Americas, no. 18 (2025)

Научная статья

<https://doi.org/10.22455/2541-7894-2025-18-158-171>

<https://elibrary.ru/TDGWMQ>

УДК 821.111(73).0

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Ирина ГОЛОВАЧЕВА

В ПОИСКАХ ОПОР: «ПОВОРОТ ВИНТА» Г. ДЖЕЙМСА В ДАТАХ И ЧИСЛАХ

Аннотация: В статье предлагается новый взгляд на повесть Генри Джеймса «Поворот винта» («The Turn of the Screw», 1898), которая не перестает занимать умы литературоведов, культурологов, музыковедов и киноведов. Мы рассматриваем три разных аспекта джеймсовского текста: мотивный, фабульный и сюжетный. Цель данной работы заключалась в том, чтобы попытаться определить степень произвольности не столько отдельных деталей, сколько датировки событий, а также степень жесткости сюжетной структуры. В первом разделе доказывается, что среди многих важных мотивов повести один незаслуженно упущен в работах джеймсоведов. Речь идет о лейтмотиве смерти. Второй раздел статьи опирается на кажущиеся произвольными указания отрезков времени между событиями повести. Оказалось, что сигналы, расставленные в тексте Джеймса, позволяют более или менее точно установить возможные даты событий и показать их на оси фабульного времени. И, наконец, третий раздел посвящен анализу ритмической структуры сюжетной композиции «Поворота винта» и его динамики. Предложенная схема соотношения глав и поворотов сюжета показывает, каким именно образом Джеймс закручивает действие. Хорошо продуманная фабульная хронология и четкая сюжетная организация (ритмичная расстановка сюжетных поворотов и смены темпов) — все это в сочетании с известной двусмысленностью изображаемого кошмара держит читателя «Поворота винта» в эмоциональном напряжении. Таким образом, «атмосферность» повести — результат не только известных мотивов, свойственных поздневикторианским готическим текстам, не только особого нарративного построения. Секрет привлекательности шедевра Джеймса, кроме всего прочего заключается, по-видимому, и в особой «музыкальной» организации текста.

Ключевые слова: Генри Джеймс, «Поворот винта», лейтмотив смерти, фабульное время, механика сюжета, ритм, темпи.

Информация об авторе: Ирина Владимировна Головачева, доктор филологических наук, доцент, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., д. 7–9, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3873-490X>. E-mail: igolovacheva@gmail.com.

Для цитирования: Головачева И.В. В поисках опор: «Поворот винта» Г. Джеймса в данных и числах // Литература двух Америк. 2025. № 18. С. 158–171. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2025-18-158-171>

READING HENRY JAMES

*HENRY JAMES'S NOVELLA "THE TURN OF THE SCREW":
AN ATMOSPHERIC TEXT TRAVELING THROUGH TIME AND MEDIA LANDSCAPES*

Литература двух Америк. 2025. № 18.

Literature of the Americas, no. 18 (2025)

research Article

<https://doi.org/10.22455/2541-7894-2025-18-158-171>

<https://elibrary.ru/TDGWMQ>

UDC 821.111(73).0

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Irina GOLOVACHEVA

IN SEARCH OF SUPPORTS: HENRY JAMES'S “THE TURN OF THE SCREW” IN DATES AND NUMBERS

Abstract: The article offers a new look at Henry James's novella “The Turn of the Screw” (1898), which has attracted the attention of numerous literary and film scholars, cultural critics, and musicologists. The author is tackling three different aspects of James's text — its motives, its plot and story. The paper attempts to determine the degree of the writer's arbitrariness of dating the events depicted in the novella, rather than that of his choice of details. Also, the rigidity of the story-structure is questioned. In the first section of the paper, it is proved that one of the crucial leitmotivs in the story happens to be overshadowed in critical works on “The Turn of the Screw.” This is the leitmotif of death. The second section looks into the seemingly arbitrary indications of intervals between the events of the story in the text of the novella. Meanwhile, certain indications in James's text allow us to reconstruct the plausible dates of a series of events. Those are represented in the plot- and timeline scheme in the paper. Finally, the third section offers the analysis of rhythmic and tempo structure of the story in “The Turn of the Screw,” as well as its dynamics. The proposed chapters vs. story twists scheme shows James's design of the pacing and the regularity of the twists in the novella. A well-thought-out chronology, rhythmic arrangement of the “turns,” as well as the changes in tempo — all this, combined with the haunting ambiguity of “The Turn of the Screw,” helps to maintain the tension. The “atmosphere” of the story results not only from the supernatural motifs employed, that are characteristic of late Victorian Gothic, or from the exquisite narrative structure. Rather, the appeal of James's masterpiece, among other things, is rooted in its unique “musical” arrangement.

Keywords: Henry James, “The Turn of the Screw,” leitmotiv of ‘death’, plot timeline, story rhythm, story tempo.

Information about the author: Irina V. Golovacheva, Doctor Hab. in Philology, Professor, Saint-Petersburg State University, Universitetskaya Emb. 7–9, 199034 St. Petersburg, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3873-490X>. E-mail: igolovacheva@gmail.com.

For citation: Golovacheva, Irina. “In Search of Supports: Henry James's ‘The Turn of the Screw’ in Dates and Numbers.” *Literature of the Americas*, no. 18 (2025): 158–171. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2025-18-158-171>

Введение

Судя по количеству рецензий и исследовательских работ, вышедших с 1898 г. до сего дня, таинственная повесть Генри Джеймса «Поворот винта» (“The Turn of the Screw,” 1898) работает как вечный двигатель, как гипнотизирующий кунштюк, продолжающий затягивать очередное поколение критиков в бесконечный танец интерпретаций. Джеймсовский текст уникален тем, что отсылает читателя одновременно и к обнаруживаемой, и к необнаруживаемой данности. Этот парапротомальный детектив устроен таким образом, чтобы оставаться нераскрытым кейсом. По остроумному наблюдению Шошанны Фелман, всякий, кто берется интерпретировать «Поворот винта», становится одержимым [Felman 1977]¹. Эта обсессия проявляется в разных вариантах: одни одержимы призраком Фрейда, другие — призраками, «предъявленными» в самом повествовании, третья — разнородными приметами, позволяющими разглядывать повесть в разных методологических ракурсах: структуралистском, семиотическом, ново-критическом, марксистском, юнгианском, квир-теоретическом, нарратологическом, лаканианском, пост-колониальном, хонтологическом и пр. Незатухающий интерес к «Повороту винта» предопределен принципиальной, предумышленной Джеймсом неопределенностью и двусмысленностью². Критически настроенный читатель не может не спрашивать себя, так ли он понял тщательно скрытое писателем. В самом деле, нет никакой возможности предъявить полную и окончательную расшифровку текста, так как писатель, в сущности, оставляет нас в неведении.

Каким же образом эта «рыхлая» и нестабильная материя, содержащая фактические и смысловые лакуны, затягивает читателей, кинематографистов, переводчиков и музыкантов? На вопрос о том,

¹ В качестве ориентиров в обширной библиографии исследований «Поворота винта» см., например, James, Henry. *The Turn of the Screw. Case Studies in Contemporary Criticism*, edited by Peter G. Beidler. London: Palgrave, 1995; James, Henry. “The Turn of the Screw:” Complete, Authoritative Text with Biographical, Historical, and Cultural Contexts, Critical History, and Essays from Contemporary Critical Perspectives, ed. by Peter G. Beidler. Boston: Bedford-St. Martins, 2011, а также: [Головачева 2005], [Головачева 2013] [Головачева 2013а]. За последние полтора года, т. е. в 2024–2025 гг., успели выйти очередные работы о повести Джеймса, например: [Pop 2024], [Yang 2025] и [Williams 2025].

² См. рассуждения Джеймса в переписке и предисловиях о замысле «Поворота винта» и о принципах, которых он придерживался в работе над повестью в: James, Henry. “The Turn of the Screw:” An Authoritative Text and Background and Sources. Essays in Criticism, ed. by Deborah Esch and Jonathan Warren. New York: Norton, 1999, далее — (James 1999).

как работает этот текст уже дано и, по-видимому, будет еще дано множество ответов. Статьи этого блока — очередная попытка разгадать тайну атмосферности, гипнотической силы «Поворота».

Вне зависимости от того, какую из вышеназванных оптик избрал критик, он будет неизбежно следовать тем поворотам, тем модальностям, что предусмотрены автором. В данной статье я пытаюсь ответить на давно занимавший меня вопрос о степени произвольности не столько отдельных деталей, сколько датировки событий, а также о степени жесткости структуры, а именно, о ритме сюжетных поворотов и их соответствия тактовой организации повести.

Danse macabre

Пляска смерти — метафора, применимая ко многим готическим и неоготическим сюжетам. Вполне оправдана она и в отношении поздневикторианского «Поворот винта». В огромном массиве исследований этого двусмысленного текста *смерть как лейтмотив* оказалась оттесненной на задний план; на передний план вышел вопрос о реальности призраков, преследующих главную героиню, а возможно, и вверенных ее опеке детей. А между тем, именно смерть является твердым фундаментом, на который опирается сюжет завораживающего текста. Зияния, предусмотренные остроумным писателем, замыслившим «забавную ловушку для тех, кого нелегко поймать» (James 1999: 125), в сочетании с ненадежным центральным нарратором характерны для «поздней ма-неры» Джеймса³. «Поворот винта» не обещает разгадки — лишь серию загадок. Единственное, что гарантирует текст внимательному читателю, — это смятение, неуверенность, проистекающую из тотальной двусмысленности. Среди всех событий, с которыми читатель сталкивается в повести, несомненными остаются лишь «расправы» писателя над персонажами. Последовательность констатируемых смертей выстроена элегантно: она начинается и завершается в прологе повести.

Место действия пролога — загородный дом, где в вечер Сочельника у камина собираются гости и по традиции рассказывают «истории с привидениями». Пролог открывается повествованием от лица безымянного гостя: «Мы слушали этот рассказ, почти не дыша, сбравшись у камина. И только, когда он подошел к концу, кто-то заметил, что такой жуткой и должна быть история, рассказанная в Сочельник

³ Я привожу собственный перевод цитат из «Поворота винта», указывая номера страниц издания (James 1999). Варианты перевода повести, предложенные И. Дарузес и Н. Васильевой, на мой взгляд, искажают оригинал.

в старинном доме [...]» (James 1999: 1). В свою очередь, Дуглас, второй рассказчик пролога, обещает поведать собравшейся в сочельник компании «сверхъестественно жуткую» историю о «двуих поворотах винта» (“two children give two turns”) — историю своей бывшей гувернантки, которая до знакомства с ним служила воспитательницей двух детей, Майлза и Флоры, по его словам, видевших привидения в усадьбе Блай. Ради того, чтобы убедить слушателей в достоверности невероятных событий, Дуглас намерен зачитать им рукопись мемуаров, присланную гувернанткой двадцатью годами ранее, *перед самой смертью*. Его слушатели также узнают, что подопечные гувернантки были сиротами, чьи родители *умерли* за несколько лет до того, как она появилась на Харлей-стрит в доме единственного их родственника-опекуна. Этот последний сообщает девушки, почти готовой принять предложение занять вакантную должность, что прежняя гувернантка детей также *умерла*. От первого рассказчика пролога («имплицитного Генри Джеймса») мы узнаем, что Дуглас незадолго до *смерти* передал ему рукопись мемуаров гувернантки. Итак, на первых трех страницах повести мы узнаем о смерти пяти персонажей.

Надо заметить, что передача рукописи выглядит так, как будто это проклятый текст. В самом деле, разве случаен тот факт, что и отправитель, и получатель манускрипта *умерли* почти сразу после осуществления пересылки? Читатель, знакомый с такого рода инфернальными «эстафетными» предметами в литературе, как будто имеет основания беспокоиться и о судьбе неназванного героя пролога, последнего адресата. Но можно утешиться, вспомнив, что рукопись, наконец-то попавшая в руки профессионала, по-видимому, не причинила ему вреда, так как несколько лет спустя он благополучно ее опубликовал.

В мемуарах гувернантки говорится еще о *двуих смертях*. Итого, в сравнительно небольшой повести Джеймса насчитывается семь смертей, вызванных не опасными приключениями, не военными сражениями и не серийными убийствами, а естественными или сверхъестественными обстоятельствами.

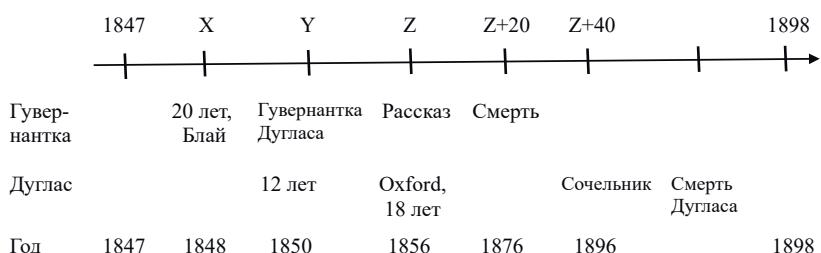
Время поворотов

Попытаемся уточнить примерную датировку событий, описанных в «Повороте винта»⁴. Это непросто, так как текст не содержит

⁴ Я выражаю благодарность профессору М.Е. Журавлеву за помощь в структурировании фабульной оси времени.

ни единой даты. Мы знаем лишь, что гувернантке было 20 лет, когда она прибыла в усадьбу Блай. Будем исходить из того, что одной из опорных дат является 1847 г. Почему? Дата эта определена следующим обстоятельством: когда гувернантка размышляет о неприятно поразившем ее таинственном незнакомце, увиденном ею на башне усадебного дома, она задается вопросом, «неужели в усадьбе Блай имеется своя “тайна” — какая-нибудь тайна Удольфо или безумный родственник, содержащийся в секретном заточении» (James 1999: 17). Сведущий читатель Джеймса сразу опознает отсылки к двум произведениям — к готическому роману «Удольфские тайны» (1794) Анны Радклиф и к «Джейн Эйр» (1847) Шарлотты Бронте⁵. Следовательно, все, что случилось с двадцатилетней гувернанткой, прочитавшей «Джейн Эйр», могло произойти лишь после публикации прославленного романа Бронте.

Приходится принимать в расчет и конечную дату. Нетрудно догадаться, что все события, описанные или просто упомянутые в «Повороте винта», должны были завершиться к январю 1898 года: именно тогда были опубликованы две первые главы повести Джеймса. Безымянный рассказчик пролога получил рукопись гувернантки, посланную Дугласом перед самой смертью, затем, «много лет спустя», сделал с нее точную копию и опубликовал. У нас нет возможности определить, как много времени прошло после смерти Дугласа, прежде чем мемуары гувернантки увидели свет.

Ил. 1. Хронология «Поворота винта». Первая дата, 1847 — год опубликования «Джейн Эйр» Ш. Бронте, последняя дата, 1898 — год опубликования «Поворота винта».

⁵ См. интересную работу о влиянии романа Бронте на Г. Джеймса: [Tintner 1976].

Заметим, что у нас есть три неопределенные даты, к которым привязана осталльная хронология. Во-первых, это год приезда двадцатилетней гувернантки в усадьбу Блай (на ил. 1 обозначен как X сверху над временной осью), во-вторых, год, когда она стала гувернанткой Дугласа (обозначен как Y), и, в-третьих, год (обозначен как Z), когда она рассказала Дугласу — уже студенту Оксфорда, приехавшему домой на каникулы, о том, что произошло в усадьбе Блай. Допустим, что гувернантка приехала в усадьбу Блай на следующий год после выхода романа Шарлотты Бронте, т. е. в 1848 г. Тогда X = 1848. На ил. 1 мы отмечаем даты и события, относящиеся к гувернантке, на первой линии под хронологической осью, и относящиеся к Дугласу на второй линии под хронологической осью. Третья линия — вероятные даты. Предположим, что события в усадьбе Блай заняли приблизительно год (судя по приметам, представленным в тексте, этот срок укладывается в несколько летних и осенних месяцев). Максимум через год с небольшим (Y=1850) бывшая гувернантка Майлза и Флоры стала гувернанткой Дугласа. Нам приходится предположить, что временные промежутки были относительно краткими, в противном случае хронология событий выйдет за конечный предел — за 1898 г.

Сколько лет могло быть Дугласу, когда ему наняли гувернантку, прежде покинувшую Блай? Допустим, ему было 11–12 лет. Мы не можем сильно уменьшить этот возраст, поскольку в этом случае хронология рискует выйти за 1898 г. Сколько лет могло быть Дугласу — студенту Оксфорда — когда он услышал рассказ гувернантки? Допустим, 18. А это значит, что прошло шесть лет с тех пор, как она впервые появилась в доме его родителей. Таким образом, Z=Y+6=1856.

Теперь нам нетрудно восстановить оставшиеся даты. Из текста повести мы знаем, что гувернантка умерла через 20 лет после того, как рассказала Дугласу историю о самых страшных месяцах ее жизни, проведенных в усадьбе Блай ($Z+20=1856$). В свою очередь, Дуглас поведал эту историю собравшимся в сочельник гостям через 40 лет после того, как услышал ее от гувернантки ($Z+40=1896$). Таким образом, на то, чтобы незадолго до смерти отослать рукопись гувернантки безымянному рассказчику, а тому ее опубликовать, остается два года. В нашей хронологии, представленной на ил. 1, мы предположили, что Дуглас умер в том же 1896 г. В повести говорится, что прошло много лет от получения рассказчиком рукописи до ее опубликования, но

этот период в два года почти невозможно увеличить. Можно лишь предположить, что гувернантка приехала в усадьбу Блай в 1847 г. и что в тот момент, когда она поступила работать в семью Дугласа, мальчику было не двенадцать, а тринадцать лет. Таким образом, мы все же увеличим промежуток времени от момента получения рассказчиком мемуаров гувернантки до их опубликования на пару лет, т. е. до четырех лет, но не более того.

Изложенная нами хронология фактически доказывает, что, по замыслу Джеймса, героиня прочитала «Джейн Эйр» едва ли не в год выхода романа. Джейн, как и героиня Джеймса, живет в уединенной усадьбе, опекая ребенка-сироту и общаясь в основном с экономкой. Разгадка тщательно скрываемой тайны поместья Торнфилд-Холл — это содержащаяся в заточении жена мистера Рочестера, страдающая серьезным психическим расстройством. Противопоставляя в одной фразе «Удольфские тайны» и «Джейн Эйр», Джеймс задает читателям интертекстуальные ориентиры, указывающие на два возможных сюжетных поворота — в классическом «готическом» или же в психиатрическом духе. Однако именно сюжет Бронте, очевидно, произвел на гувернантку сильнейшее впечатление. В противном случае, она бы не соотносила собственную ситуацию с положением Джейн, столкнувшейся со злобным безумием в лице жены мистера Рочестера. Итак, прежде чем подвергнуться атаке призраков мертвых слуг впечатлительная героиня Джеймса стала жертвой «заразительного» литературного сюжета. Джеймсовская гувернантка — лишь первая в цепочке жертв, включающих Флору, Майлза, Дугласа, а вслед за ними издателя мемуаров и, наконец, читателей и критиков «Поворота винта».

Ритм поворотов

Мы посмотрели на то, как организована фактическая, т. е. фабульная ось времени в повести. Сюжет, как известно, выстроен совсем иначе. Сюжетная композиция «Поворота винта» несомненно наделена мощным катарсическим потенциалом, отличаясь от большинства текстов Джеймса высокой степенью проработки именно сюжетных эффектов, плотной сюжетностью. Его главное отличие состоит в ритмичной череде элементов, которые следует считать сюжетными поворотами, — событий, узнаваний, резкой перемены суждения и общей системы представлений о мире. Такие повороты меняют направление действия. Насколько нам известно, никто не обратил должного вни-

мания на число поворотных событий в повести и на специфику их расстановки, т. е. на ритмическую структуру и скорость движения сюжета.

Практически каждая глава содержит «отчет» об очередном повороте. Организовывая художественное время, Джеймс предусмотрел экспозицию, расставил повороты по тактам, организовал несколько замедлений (пауз, в течение которых никаких сюжетных твистов не происходит) и поставил решительный пунт, акцентировав финальный поворот в последней главе.

Для удобства приведем список персонажей «Поворота винта» и соответствующих сокращений:

Автор-рассказчик Пролог — *A-p*

Дуглас — *D*

Опекун — *O*

Гувернантка — *G*

Миссис Гроуз — *mG*

Майлз — *M*

Флора — *F*

Питер Квинт — *PK*

Мисс Джессел — *mДж*

Посмотрим теперь на соотношение глав и «поворотов»:

Пролог Представление персонажей: *A-p/D/G/O*;

Глава I. Экспозиция. Приезд *G* в Блай;

Глава II. Поворот 1: Получено письмо из школы
об исключении *M*;

Глава III. Поворот 2: Встреча *G* и *PK* вне дома;

Глава IV. Поворот 3: Встреча *G* и *PK* через оконное
стекло;

Глава V. Поворот 4: Признание *mG* и озарение *G*;

Глава VI. Поворот 5: *G* начинает видеть «ужасную
правду» и решает следить
за детьми;

Поворот 6: *G* встречает *mДж* на озере;

Глава VII. Поворот 7: *G* узнает правду о *mДж*;

Глава VIII. ЗАМЕДЛЕНИЕ. Рефлексия и колебания *G*;

Глава IX. Поворот 8: Третья встреча *G* и *PK*;

Глава X. Поворот 9: Ночное исчезновение *F*;

Поворот 10: Встреча *G* и *mДж* на лестнице;

Поворот **11**: Подозрительная ночная диспозиция
 Φ и M ;

Глава XI. Поворот **12**: G узнает правду о детском
ночном розыгрыше;

Глава XII. ЗАМЕДЛЕНИЕ. Подбор улик;

Глава XIII. ЗАМЕДЛЕНИЕ. Подбор улик;

Глава XIV. Поворот **13**: M заявляет о желании вернуться
в школу;

Поворот **14**: M угрожает вызвать O ;

Глава XV. Поворот **15**: Сцена у церкви. G решается
бежать прочь;

Поворот **16**: G встречает $m\mathcal{D}\mathcal{J}\mathcal{C}$ в классной
комнате;

Глава XVI. ЗАМЕДЛЕНИЕ. Рефлексия и подбор улик;

Глава XVII. Поворот **17**: Ночной разговор M и G с неожи-
данной кульминацией;

Глава XVIII. Поворот **18**: Побег Φ ;

Глава XIX. УСКОРЕНИЕ: G и mG спешат на озеро;

Глава XX. Поворот **19**: G и Φ (?) видят $m\mathcal{D}\mathcal{J}\mathcal{C}$ на озере;

Поворот **20**: mG отказывается признать, что
видит $m\mathcal{D}\mathcal{J}\mathcal{C}$;

Глава XXI. Поворот **21**: Φ заболевает и ее увозят;

Поворот **22**: исчезает письмо G , предназначено-
ное O ;

Глава XXII. ЗАМЕДЛЕНИЕ. Ожидание;

Глава XXIII. ЗАМЕДЛЕНИЕ. Ожидание;

Глава XXIV. Поворот **23**: M признается, что стащил и
сжег письмо G ;

Поворот **24**: G видит за окном PK и добывает-
ся признания от M ; M умирает
(КОНЦОВКА = РАЗВЯЗКА).

Предложенная схема показывает, каким именно образом Джеймс закручивает действие. Такое тщательно продуманное соотношение глав и поворотов обеспечивает динамику и ритм. Так, в I–V и в VII главах в каждой из них наличествует один поворот сюжета.

В VI главе целых два поворота: гувернантка принимает решение следить за детьми, предполагая, что они в беде. Ее решимость приводит к повышенной нервозности и готовности разглядеть опасность, откуда бы она ни исходила. Поэтому второй поворот в пределах одной

главы, несомненно, оправдан: тот, кто повсюду ищет доказательств, как известно, их находит — призрак мисс Джессел незамедлительно появляется. Практически сразу, в VII главе, гувернантка узнает правду о покойных слугах и догадывается (или воображает, что догадывается) о замысле инфернальных развратников. Охваченная отчаянием, она рыдает на груди миссис Гроуз.

Вполне естественно, что для сохранения общего баланса Джеймс решил несколько охладить «накал» после «взрыва» (*out-break*) (James 1999: 33), как характеризует свой приступ отчаяния сама гувернантка. Логично, что писатель сделал следующую, VIII главу, разгрузочной, дав героине время на размышления и избрав темп *largo*. Очередной важный поворот происходит в главе IX, где гувернантка в третий раз встречается с призраком камердинера.

Темп главы X — *allegro*. Здесь мы имеем целых три «ночных» поворота, два из которых, вероятно, заранее подготовлены детьми. Встреча с миссис Джессел на лестнице заставляет гувернантку по-новому взглянуть и на поведение своих подопечных. Правду об ихочных эскападах мы узнаем в следующей главе. Такая концентрация странностей не может не заставить героя начать серьезное расследование: Джеймс отводит пространство целых двух глав (XII и XIII) для паузы. Заметим, что это сдвоенное замедление, *largo*, дает нам передышку ровно в середине текста повести. Это композиционное решение не только гармонизирует, уравновешивает ритм, но и подготавливает читателя к серии сдвоенных поворотов в следующих главах (XIV и XV), после чего писатель вновь делает паузу (глава XVI) для того, чтобы, как и прежде, предоставить героине возможность рефлексировать и собирать новые улики.

Главы XVII и XVIII содержат по одному повороту. Зато на главу XIX вместо поворота приходится стремительное действие в темпе *presto*, нужном для изображения лихорадочного и упорного поиска исчезнувшей Флоры, в ходе которого читателя вместе с гувернанткой и мисс Джессел охватывает вполне оправданный страх, которому предстоит перейти в ужас в главе XX. Ужас вызван смешением клиники и мистики. До этого момента ничто не предвещало решительного заявления экономки о том, что в отличие от гувернантки и, возможно, Флоры, она не видит призрака на озере. Гувернантка, а вместе с ней и читатель, лихорадочно перебирает версии.

Чем вызвана такая разница в реакциях персонажей? Возможно, одна лишь галлюцинирующая гувернантка видит призрак покойной мисс Джессел. Быть может, призрак «реален» как для нее, так и для

Флоры, но девочка не хочет в этом признаваться или просто разыгрывает воспитательницу. Можно предположить, что и гувернантка, и Флора наделены способностью видеть инопространство, а миссис Гроуз таким талантом не наделена. Невозможно определить, имеем ли мы дело с истерической слепотой или с истерической дальновидностью. И, наконец, весьма вероятно, что экономка просто сочувствует Флоре, не желает ее травмировать.

В главе XX пик напряжения еще не достигнут. Однако уже глава XXI накалил атмосферу двумя болезненными поворотами: мы узнаем о тяжелом бреде Флоры и о том, что ее необходимо немедленно удалить из усадьбы Блай. К тому же пропадает письмо, в котором гувернантка обращается к опекуну детей, описывая отчаянное положение. Эти стремительные повороты, в свою очередь, требуют очередной сдвоенной — на сей раз последней — паузы (главы XXII–XXIII). Последнее *largo* необходимо для подготовки эффектного финала *allegro*, пришедшегося на главу XXIV, когда от разрыва сердца умирает Майлз, то ли увидевший призрак Питера Квinta, то ли не выдержавший бурного натиска пытливой гувернантки и потому готовый признаться в чем угодно.

«Атмосферность» и притягательность повести Джеймса, как я надеялась показать, — это результат не только известных, в частности спиритических, мотивов, свойственных поздневикторианским готическим текстам, не только особого нарративного построения, но и следствие тщательно выверенной «музыкальной» организации текста.

Заключение

Хорошо продуманная фабульная хронология и четкая сюжетная организация (ритмичная расстановка сюжетных поворотов и смены темпов) — все это в сочетании с известной двусмыслистостью изображаемого кошмара держит читателя «Поворота винта» в эмоциональном напряжении. Как видно из перечня, на 24 главы повести приходится ровно 24 сюжетных поворота, которые автор расставляет не по прихоти разыгравшейся фантазии, а с инженерной четкостью. Трудно поверить в то, что особенности фабулы и сюжета, схематически представленные и прокомментированные нами, были лишь следствием джеймсовского врожденного чувства гармонии. На-против, по-видимому, Джеймс не покривил душой, когда признался в Предисловии к соответствующему тому своего Нью-Йоркского со-

брания сочинений, что «Поворот винта» был «результатом холодного художественного расчета» (“a piece of cold artistic calculation”) (James 1999: 125).

ЛИТЕРАТУРА

Головачева 2005 — Головачева И. Как сделан «Поворот винта» Генри Джеймса // Джеймс Г. Поворот винта: повести, рассказы / пер. с англ. СПб.: Азбука-классика, 2005. С. 5–24.

Головачева 2013 — Головачева И. «Невинные крошки» в «Повороте винта» — в повести и оперном либретто // OPERA MUSICOLOGICA. 2013. № 18 (4). С. 18–35. http://old.conservatory.ru/files/OM_18_Golovacheva_full.pdf.

Головачева 2013а — Головачева И.В. Фантастика и фантастическое: поэтика и прагматика англо-американской фантастической литературы. СПб.: Петрополис, 2013.

REFERENCES

Felman 1977 — Felman, Shoshanna. “Turning the Screw of Interpretation.” *Yale French Studies*, no. 55/56 (1977): 94–207.

Golovacheva 2005 — Golovacheva, Irina. “Kak sdelan ‘Povorot vinta’ Genri Dzheimsa” [“How ‘The Turn of the Screw’ is Made”]. In Dzheims G. *Povorot vinta: Povesti, rasskazy* [James, Henry. “*The Turn of the Screw*” and Other Stories], 5–24. St. Petersburg: Azbuka-klassika Publ., 2005. (In Russ.)

Golovacheva 2013 — Golovacheva, Irina. “Nevinnye kroshki” v ‘Povorote vinta’ — v povesti i opernom libretto” [“Innocent Babes” in ‘The Turn of the Screw,’ the Novella and the Opera”]. *OPERA MUSICOLOGICA*, no. 18 (4) (2013): 18–35. http://old.conservatory.ru/files/OM_18_Golovacheva_full.pdf. (In Russ.)

Golovacheva 2013 — Golovacheva, Irina V. *Fantastika i fantasticheskoe: pojetika i pragmatika anglo-amerikanskoy fantasticheskoy literatury* [Fantastika and the Fantastic: The Poetics and Pragmatics of Speculative Fiction]. St. Petersburg: Petropolis Publ., 2014. (In Russ.)

Pop 2024 — Pop, Andrei. “Another Turn of the Screw: Illustration as Interpretation.” In *The Routledge Companion to Literature and Art*, edited by Cheryl Julia Lee, Neil Murphy, and W. Michelle Wang, 363–383. London: Routledge, 2024. <https://doi.org/10.4324/9781003273356>.

Tintner 1976 — Tintner, Adeline R. “Henry James’s Use of ‘Jane Eyre’ in ‘The Turn of the Screw?’” *Brontë Society Transactions*, no. 17 (1) (1976): 42–45. <https://doi.org/10.1179/030977676796472488>

Williams 2025 — Williams, Sara. “‘The More I Saw the Less They Would’: Subverting Hysteria and Surveillance in *The Turn of the Screw*, *The Orphanage*, and *The Others*.” In *The Maternal Gaze in the Gothic*, 59–101. Cham: Palgrave Macmillan, 2025. https://doi.org/10.1007/978-3-031-70666-0_3

Yang 2025 — Yang, Seokwon. “The Anxiety of ‘Slighted Charms’: The Hysteric’s Desire, Fantasy, and Affect in Henry James’s ‘The Turn of the Screw.’” *The Henry James Review*, no. 46 (1) (2025): 89–107. <https://doi.org/10.1353/hjr.2025.a950899>

© 2025 И.В. Головачева

Дата поступления в редакцию: 22.04.2025

Дата одобрения рецензентами: 11.05.2025

Дата публикации: 25.06.2025

© 2025 Irina V. Golovacheva

Received: 22 Apr. 2025

Approved after reviewing: 11 May 2025

Date of publication: 25 Jun. 2025